

Замѣтки о журналахъ.

СЕНТЯБРЬ 1856.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА, АКСАКОВА.—ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ, ЩЕДРИНА.—ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ БЛАНКА «РУССКІЙ ПОМѢЩИЧІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ», БЕЗОБРАЗОВА.—О ГОРЬ-ЗЛОСЧАСТІИ, ВУСЛАВКА.

Часто случалось намъ слышать недоумѣнія относительно причинъ, которымъ надобно приписать чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» г. Аксакова. Отъ нѣкоторыхъ людей, заслуживающихъ всякаго уваженія по развитости своего вкуса, мы слышали даже осужденіе всѣмъ нашимъ журналамъ отъ «Русской Бесѣды» до «Русскаго Вѣстника» и «Современника», за тотъ восторгъ, съ какимъ отозвались всѣ критики о книгѣ г. Аксакова.—«Спора нѣтъ—говорили эти люди—«Семейная Хроника» написана хорошо, можно, пожалуй, согласиться, что она написана даже очень хорошо,—но выставять «Семейную Хронику» книгою необыкновенныхъ, изумительныхъ достоинствъ—дѣло рѣшительно несправедливое; а въ эту ошибку впали всѣ журналы. По какому случаю всѣ они были единодушны въ ошибкѣ, когда такъ рѣдко бываютъ единодушны въ истинѣ? Не упоминаемъ ли о критической статьѣ одного изъ нихъ, объявившаго, что съ «Семейной Хроники» начинается новая эпоха для нашей литературы, что у самого Гоголя лучшія мѣста въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» написаны подъ вліяніемъ этой книги, отрывки изъ которой читались ему въ рукописи; что всѣ наши поэты и нувеллисты должны учиться и будутъ учиться слогу и чувствамъ, искусству писать и умѣнью понимать русскую жизнь у г. Аксакова. Это слишкомъ очевидное преувеличеніе объясняется, пожалуй, даже извиняется, духомъ партіи. Но чѣмъ извинить другіе журналы, которые говорили о книгѣ г. Аксакова тономъ, развѣ немного уступающимъ въ восторженности тону этой статьи? Вѣдь въ ихъ разборахъ также видѣлось необыкновенное удивленіе достоинствамъ «Семейной Хроники»; они также какъ будто отдавали г. Аксакову первенство надъ всѣми нашими нынѣшними писателями, говорили о немъ, какъ о художникѣ, передъ которымъ надобно преклоняться. Все это ошибочно.

«Семейная Хроника», въ литературномъ отношеніи, имѣеть недостатки...» И эти строгіе цѣнители исчисляли литературные недостатки книги г. Аксакова, быть можетъ, сами также преувеличивая ихъ, какъ преувеличивалъ достоинства книги критикъ, находившій, что она должна преобразовать всю нашу литературу, для которой начинается новая эпоха съ появленіемъ «Семейной Хроники».

Нѣтъ надобности оправдывать журналы, которые, быть можетъ, уже достаточно оправдываются своимъ единодушіемъ. Во всякомъ случаѣ, чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» остается фактомъ, и слишкомъ строгіе цѣнители, мнѣніе которыхъ мы привели выше, едва ли не впадаютъ сами въ ошибку, слишкомъ много занимаясь вопросомъ о томъ, какъ велики именно литературныя достоинства книги г. Аксакова: интересъ, возбужденный «Семейною Хроникою», основывался не исключительно на этихъ достоинствахъ: гораздо важнѣе было другое обстоятельство—то, что книга эта удовлетворяла слишкомъ сильной потребности нашей въ мемуарахъ,—потребности, находящей себѣ слишкомъ мало пищи въ нашей литературѣ. Конечно, если книга эта, интересная какъ мемуары, имѣла, притомъ, и замѣчательныя литературныя достоинства, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ (чего никто не отрицаетъ), тѣмъ лучше; но будь она написана хотя бы не болѣе, какъ только не совсемъ дурнымъ слогомъ, успѣхъ ея былъ бы развѣ немногимъ меньше того, какой она имѣла при всѣхъ своихъ настоящихъ литературныхъ достоинствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ вовсе нѣтъ мемуаровъ, относящихся до близкаго къ намъ времени, относящихся до современной эпохи рѣшительно нѣтъ. А потребность въ такихъ мемуарахъ очень сильна. Только изъ одной беллетристики мы можемъ литературнымъ образомъ расширить наше знаніе о томъ, что недавно дѣлалось или дѣлается вокругъ насъ. Но дѣло ясное, что одна беллетристика недостаточна въ этомъ случаѣ. Мемуары вездѣ являются во множествѣ, вездѣ читаются съ жадностію, вездѣ приносятъ много и пользы и наслажденіи; у насъ только нѣтъ и нѣтъ мемуаровъ. «Да гдѣ же они? Давайте ихъ!»

Г. Щедринъ хочетъ пособить этому недостатку: онъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (книжка 16-я) рассказы, которые называетъ «Губернскими Очерками». Мы смотримъ на эти рассказы, какъ на отрывки изъ мемуаровъ,—такъ, вѣроятно, смотритъ на нихъ и самъ авторъ. Ни ему, ни намъ нѣтъ никакого дѣла до требованій, какимъ могутъ подлежать рассказы о приключеніяхъ и лицахъ, создаваемыхъ фантазіею. Въ литературномъ отношеніи у насъ только одно условіе относительно мемуаровъ: чтобы они были написаны недурно,—не болѣе, совершенствъ и красота мы въ нихъ не ищемъ,—напротивъ, эти красоты иногда только мѣшаютъ существенному достоинству мемуаровъ—точной правдивости разсказа. «Губернскіе Очерки» г. Щедрина совершенно удовлетворяютъ этому условію: никто не скажетъ, что разсказъ автора не хорошъ. Ббльшаго публика и не потребуеть. Мы не имѣли еще случая слышать, какой успѣхъ имѣютъ въ публикѣ «Губернскіе Очерки», но впередъ можно быть увѣреннымъ, что успѣхъ этотъ не уступитъ успѣху «Семейной Хроники».

Г. Щедринъ разсказываетъ намъ свои воспоминанія изъ жизни въ нѣ-

коемъ городѣ Крутогорскѣ; но что это за городъ Крутогорскѣ? имя, кажется, выдуманное? Если хотите, имя точно выдумано: почему жь иногда и не придумать какого-нибудь имени, для собственнаго удобства и пользы читателей; дѣло не въ имени, а въ дѣлѣ. Посмотримъ же, что выдумщикъ г. Щедринъ рассказываетъ о выдуманномъ городѣ Крутогорскѣ. Но прежде всего узнаемъ мѣстность, къ которой относить г. Щедринъ свои выдумки. Въ другихъ мѣстностяхъ, можетъ быть, ничего такого и не бываетъ, какъ въ Крутогорскѣ.

«Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говорить моему сердцу. Не то, чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями; нѣтъ въ немъ садовъ семиградннхъ, ни одного даже трехэтажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощены; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономіи, что-то успокоивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ будто чувствуете, что карьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошлонъ и переваривать ваши воспоминанія.

«И, въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше никуда нѣтъ, какъ будто здѣсь конецъ міру: куда ни взглянете вы окрестъ—лѣсъ, луга да степь, степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вѣется прихотливымъ изввонь проселокъ и бойко проскачеть по немъ телѣга. Запряженная маленькою рѣзною лошадкою, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи...»

Въ этомъ далекомъ отъ насъ городѣ люди живутъ очень патриархально, но съ большими претензіями на свѣтскость и подражаніе Петербургу. Такъ, напримѣръ, хозяйка считаетъ уже своею обязанностью занимать гостей, пріѣхавшихъ съ визитомъ (визиты свирѣпствуютъ въ Крутогорскѣ), тамъ женщины уже не прячутся отъ мужчинъ; мало того: знатныя лица уже сажаютъ на стулья людей, пріѣхавшихъ къ нимъ съ визитомъ, а не разговариваютъ съ ними, держа ихъ въ стоящемъ положеніи; гости, съ своей стороны, стараются вести съ дамами разговоры любезныя и занимательныя:

«Вотъ наступаетъ воскресенье: весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обудываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праядникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу; но духа времени измѣнить нельзя: «помигуйте, ваше превосходительство, это вамъ не въ тягость, а въ сладость!»

«— Сегодня отличная погода, говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ своему превосходительству.

«Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

«— Только жарко немножко съ отзывается уѣздный стряпчій, слегка приставая на креслѣ:—я, ваше превосходительство, потѣю...

«— Какъ здоровье вашей супруги? спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замаять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

«— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи...

«Ея превосходительство рѣшительно теряется.

«Общее смущеніе.

«— А у насъ, ваше превосходительство, говоритъ Порфирій Петровичъ:— случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской Палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу—ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ,

нужная. Вот только и говорить Иванъ Кузымъчъ: «позовемте, господа, архиваріуса— можетъ быть, овъ поймутъ». И точно-съ, призывасмъ архиваріуса. Прочиталъ онъ бумагу. Понимаешь? спрашиваемъ мы. — «Понимать не понимаю, а отвѣчать могу». Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ-это бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако, мы подписали и отправили.

«Общій хохоть».

«— Любопытно, говоритъ его превосходительство:—удовлетворится ли Рожновская Палата?»

«— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да пѣлякомъ нашу бумагу куда нибудь и пропихнутъ-съ, а то мѣсто опять пропихнуть-съ; такъ оно и пойдеть...»

Жизнь въ городѣ, гдѣ обхождение такъ любезно, а разговоры такъ поучительны, конечно, очень пріятна; потому и у г. Щедрина остались о ней самыя свѣтлыя воспоминанія:

«Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ миль твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такитъ струя твоего организма, которыя издають неприятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что я не желаю бы слышать эти звуки, которые грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу, но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжм и порока также не бевполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ. Смѣю думать, что всѣ мы, отъ мала до велика, вида ту упорную и непрестанную борьбу со зломъ, предпринимаемую тѣми, въ рукахъ которыхъ хранится судьба Россіи, — всѣ мы обязаны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этой борьбѣ и облегчать ее»

Изъ трехъ разсказовъ, которые слѣдуютъ у г. Щедрина за общею картиною нынѣшняго состоянія Крутогорска, два имѣютъ одинаковое заглавіе: «Прошлыя времена». Оба они заимствованы изъ бесѣдъ съ однимъ и тѣмъ же старымъ увѣданнымъ служакою, отъ лица котораго и ведутся эти разсказы въ Запискахъ г. Щедрина. Изъ этихъ двухъ разсказовъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Старый служака жадѣетъ о прежнихъ временахъ, когда все было проще и дружелюбнѣе, нежели нынѣ; въ его бесѣдахъ есть что-то идиллическое, напоминающее преданія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ:

«...Нѣтъ, нынѣшнѣе не то, что было въ прежнее время: въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я теперича въ земскомъ судѣ записдательмъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ увѣтеть былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было—вотъ что!»

«Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу и вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ: ну, я жиди мы тутъ, какъ у Христа за пазушкой; съѣдишь, бывало, въ годъ разъ, въ губернской городѣ поклониться чѣмъ Богъ послалъ благодѣтели и знати больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть или ревизіи тамъ кація нибудь, какъ нынѣшнѣе: все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что нынѣшнѣе лучше: народъ, дескать, меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ: чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то и про благо-то общее начнутъ толковать, вида злость подъ сердце подступаетъ».

«Брали мы, правда, что брали—кто, Богу не грѣшенъ, Царю не вановать? да яѣдъ и то сказать, лучше, что ли, денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? Какъ возьмешь, оно и работать какъ-то сподручѣе, поощрительнѣе. А нынче, посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше насчетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежь себя очень дружно. Не то, чтобъ зависть или чернота какава нибудь, а всякіѣ другъ другу совѣтъ и помощь полагать. Проиграешь, бывало, въ картыка дѣлую ночь, все дочиста спустишь,—какъ быть? ну, и идешь къ исправнику. Батюшка, Демьянъ Иванычъ, такъ и такъ, помоги! Выслушаетъ Демьянъ Иванычъ, посмѣется начальнически: «вы, молъ, тамъ-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать съобрать». Вотъ я поѣдешь: подати-то не соберешь, а ребятишвамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь какъ это все просто дѣлалось! не то, чтобъ истязашіе или вымогательство какое нибудь, а прѣдешь этакъ, соберешь сходъ. — Ну, молъ, ребятушки, выручайте! Царю-батюшкѣ деньги надобны: давайте подати.

«А самъ идешь-себѣ въ избу да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдеть у нихъ смятоніе, вдругъ всѣ заговорить и руками замахать, да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлаждаются. А ты себѣ сидишь натурально въ избѣ да посмѣиваешься; а часомъ я сотекаго къ нимъ вышлешь: «будеть, молъ, вамъ разговаривать—баривъ сердится». Ну, тутъ пойдеть у нихъ суматоха пуще прежняго; начнутъ жеребій кидать. Это значить идетъ дѣло на ладъ, порѣшили вти къ засѣдателю, не будетъ ли божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой Царемъ-то быть! вѣдь ему деньги надобны: вы хоть бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то, чтобъ по зубамъ да за волосы: «Я, дескать, взятокъ не беру, такъ въ у меня знай, ваковъ я есть окружный!» — нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать?

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то, для-че не обождать? это все въ нашихъ рукахъ, да за что жъ я передъ вачальствомъ въ отвѣтъ попаду—судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ, потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два, смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за ожиданье по гривнѣ съ души, а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублевъ четыреста, а гдѣ и больше.. Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ—это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать; мало одной волости, такъ и другую прихватишь—всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ есть на всѣ руки. Сгонять человекъ триста, ну, и лежать они на солнышкѣ. Лежать день, лежать другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видать, что время уходитъ — полевая то работа не ждеть—ну, и начнутъ засыпать сотскаго: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить въ чемъ слѣдуетъ». Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жъ имъ удовольствіе не сдѣлать, а коли больно много артачиться стянуть, ну, и еще погодить денегъ-другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скачуть боздѣльемъ, не гнущаться избой да кислымъ молокомъ. Увидеть, что человекъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просить, а тутъ—шалишь!—по три пятака, дешевле не ноги и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ:

«— Каковъ, молъ, такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?

«— Мошенникъ, батюшка, что и говорить, мошенникъ!

«— А вѣдь овъ лошадь-то у Морея укралъ? онъ, ребята?

«— Овъ, батюшка, овъ, должно.

«— А грамотные възъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорить мужички повеселѣе: знаютъ, что, значить, отпускъ ейчасъ нмѣ будетъ.

«— Ну, ступайте съ Богомъ да впередъ будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпншь: сутки двое-трое сложа руки сидншь, кислый хлѣбъ жуешь... другой бы и жизнь-то всю проклять—ну, ничего такимъ манеромъ и не добудеть».

Много было хорошихъ дѣльцовъ въ старое доброе время, — вотъ, напримеръ, городничаго Фейера нельзя не похвалить: человекъ былъ знающій и къ службѣ усердный.

«Начальство наше все въ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно овъ възъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: вдв, говорить, въ грязь—овъ и въ грязь вдетъ, въ невозможности возможность найдеть, изъ песку веревку сошьетъ.

«По той единственно причинѣ ему всѣ ого противоестественности съ рукъ и сходили, что человекъ овъ былъ золотой. Напишутъ это изъ губерній—рыбу непременно къ именинамъ надо, да такую, чтобъ была рыба, кить не кить, а около того. Мечется Фейеръ какъ угорѣлый, мечется и день и другой—есть рыба, да все не такая, какъ надо: то съ рыла вся въ имениннвва выпла, скажутъ личность, то молоко мало, то перомъ не выходитъ, величественности совсѣмъ не имѣетъ. А у насъ въ губерши любятъ, чтобъ каждая вещь въ настоящемъ видѣ была. Задумается Фейеръ да и засадитъ всѣхъ рыболововъ въ сибирку. Тѣ чуть не плачутъ.

«— Да поминайте, ваше благородіе, гдѣ жъ возьмешь атаку рыбу?

«— Гдѣ? а въ водѣ?

«— Въ водѣ-то, звамо дѣло, что въ водѣ; да гдѣ ее искать-то въ водѣ?

«— Ты рыболовъ? говори, рыболовъ ли ты?

«— Рыболовъ-то я точно, что рыболовъ...

«— А начальство зваешь?

«— Какъ не звать начальства! завсегда знаемъ.

«— Ну, слѣдственно...

«И являлась рыба, и такая именно, какъ быть слѣдуетъ, во всѣхъ статьяхъ.

«Приславъ былъ въ намъ Фейеръ изъ другаго города за отличие, потому что нашъ городъ торговый и на рѣкѣ судоходной стоитъ. Передъ нимъ былъ городничій старикъ, и такой слабый да добрый. Осѣдали его адшіе граждане. Вотъ пріѣхалъ Фейеръ на городничество и сзываетъ всѣхъ заводчиковъ, а у насъ ихъ не мало — до пятидесяти пггукъ въ городѣ то.

«— Вы, молъ, такъ и такъ, платили старику по десяти рублевъ, ву, а нмѣ, говорить, этого мало: я, говорить, на десять рублевъ наплевать хотѣлъ, а надобно нмѣ три бѣленькихъ съ каждаго хозяина.

«Такъ куда тебѣ, и слушать не хотятъ.

«— Видали мы-ста экигъ шелкоперовъ...

«Овъ было вспыхнулъ.

«— Ну, говорить, такъ не хотите по три бѣленькихъ?

«— Пять рубликовъ, кричать: — ни копѣйки больше.

«— Ладно, говорить.

«Черезъ недѣлю глядъ, что ни на есть въ первому кожевенному заводчику съ обыскомъ: «кожи-то, молъ, у тебя краденныя». Краденны не краденны, однако, откуда взялись, и у кого купилъ, заводчикъ объясниться не могъ.

«— Ну, говорить: не давалъ трѣхъ бѣленькихъ, давай пятьсотъ.

«Тотъ было ужъ и въ ноги, нельзя ли поменьше, такъ куда тебѣ, и слушать не хочеть».

«Отпустилъ его домой, да не одного, а съ сотекиимъ. Принесъ заводчивъ деньги, да все думаетъ, не будетъ ли милости, не согласится ли на двѣсти рублей. Сосчиталъ Фейеръ деньги и положилъ ихъ въ карманъ».

«— Ну, говорить, принеси остальные триста».

«Опять кланяться сталъ купецъ, да нѣтъ, одеревенѣлъ человѣкъ, какъ одеревенѣлъ, твердить одно и то же. Попробовалъ еще сотню принесть,—и ту въ карманъ положилъ, и опять»:

«— Остальные двѣсти!»

«И не выпустилъ-таки нивъ сибирки, доколѣ всѣ сполна не заплатилъ».

«Видать парни, что дѣло дрянъ выходитъ; и камнями-то ему въ окна кидали, и ворота дѣтвмъ по ночамъ обмазывали, и собакъ дѣльныхъ отравляли — неиметь ничего! Раскаались. Пришли съ повинной, принесли по три бѣленькихъ, да не на того напали».

«Нѣтъ, говорить: не дали, какъ самъ просилъ, такъ не надо жъ мнѣ ничего, коли такъ».

«Такъ и не взялъ: смевнулъ, видно, что по разнотѣ-то складнѣе, нежели скопомъ».

Мы не будемъ рѣшать въ точности, каковы литературныя достоинства этого разсказа: надобно ли только назвать его недурнымъ, или положительно хорошимъ или прекраснымъ,—для насъ, вѣроятно и для публики, это второстепенный вопросъ: главное то, что мемуары г. Щедрина интересны. Мы увѣрены, что публика наградитъ своимъ сочувствіемъ автора за то, что онъ вздумалъ подѣлиться съ нею своими записками о губернской жизни.

Въ томъ же номерѣ «Русскаго Вѣстника» есть другая статья, также заслуживающая вниманія и одобренія. Это—небольшая «Замѣтка» написанная г. Безобразовымъ «по поводу статьи г. члена Вольнаго Экономическаго Общества, статскаго совѣтника Бланка: «Русскій помѣщичій крестьянинъ».

Статья г. Бланка обнаруживаетъ незнакомство автора съ предметомъ, о которомъ взялся онъ судить очень смѣло. Незнаніе вовлекло его въ важныя ошибки; а такъ какъ «Труды» Вольнаго Экономическаго Общества, въ которыхъ напечатана его статья, расходятся въ значительномъ числѣ экземпляровъ, я потому ошибочныя понятія г. Бланка могли бы многихъ ввести въ заблужденіе, то г. Безобразовъ поступилъ прекрасно, предупредивъ своею «Замѣткою» возможность недоумѣнія относительно вопросовъ, слишкомъ легкомысленно обсуживаемыхъ г. Бланкомъ. Возраженія написаны съ благороднымъ негодованіемъ на излишнюю рѣшительность тѣхъ людей, которые безъ всякихъ знаній берутся судить и рядить о важныхъ ученыхъ и практическихъ вопросахъ, да еще и вопіять противъ людей, которые, изучивъ предметъ, смѣютъ думать иначе. Еще больше возбуждаетъ негодованіе г. Безобразова низкое понятіе г. Бланка о русскомъ народѣ (къ которому принадлежатъ крестьяне).

«Г. Бланкъ (говоритъ авторъ «Замѣтки») начинаетъ свою статью выраженіемъ сожалѣнія о *распространеніи иностранцами и за ними нѣкоторыми русскими ложной идеи, будто невольничество или рабство одно и то же, что крѣпостное состояніе...* Въ этомъ отношеніи мы можемъ совершенно успокоить автора: сколько намъ извѣстно, никто, сколько нибудь знакомый съ исторіей и значеніемъ названныхъ понятій, ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи, никогда не выражалъ подобной мысли и потону не занимался столь страшною въ глазахъ автора

пропагандою, точно такъ же, какъ никто не принимаетъ за одно и то же мѣщанствѣ и дворянство въ Россіи и буржуазію и феодальную аристократію въ Европѣ. Если и была дѣлаемы подобныя сравненія, то только для уясненія различій въ развитіи и внутреннемъ строеніи общественныхъ сословій у насъ и на Западѣ. Притомъ же, указываемое авторомъ заблужденіе было бы, какъ мы увидимъ ниже, весьма странно, потому что крѣпостное состояніе — явленіе вовсе не чуждое Западной Европѣ: оно было, хотя съ нѣсколькими отлѣченіями отъ русскаго, у всѣхъ европейскихъ народовъ. Авторъ говоритъ: «Это послѣднее учрежденіе (крѣпостное состояніе), совершенно оригинальное, составляетъ исключительную собственность нашего отечества, не будучи вовсе похоже ни на состояніе невольничества на Востокѣ и въ австрійскихъ и другихъ колоніяхъ Азіи, Африки и Америки, ни на рабство, бывшее въ Римской имперіи и потомъ въ прочихъ государствахъ Западной Европы».

Чтобы опровергнуть его сужденія, основанныя на одномъ совершенномъ незнаніи, г. Безобразовъ дѣлаетъ выписку изъ экономическаго словаря Ко-клена и Гильюмона. Отрывокъ этотъ въ состояніи убѣдить каждаго, что западные экономисты очень хорошо знаютъ различіе между рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ, и также осязательно показываетъ, что крѣпостное состояніе существовало нѣкогда во всѣхъ европейскихъ государствахъ, стало быть, вовсе не есть явленіе, которое можно было бы (подобно г. Бланку) считать свойственнымъ исключительно русской народности. Далѣе г. Бланкъ разеуждаетъ о западныхъ пролетаріяхъ, о смутахъ, которыя производятся этими пролетаріями, о томъ, что крѣпостное право предохраняетъ насъ отъ пролетаріата. Г. Безобразовъ очень справедливо замѣчаетъ на это:

«Какъ ни убѣдительно слова автора, но съ ними весьма трудно согласиться. Почему же, спросимъ мы его, нѣтъ у насъ пролетаріата не только въ одномъ крѣпостномъ состояніи, но и во всѣхъ другихъ, не только сельскихъ, но и городскихъ сословіяхъ? почему же нѣтъ и тѣни его въ званіи всякаго наименованія государственныхъ поселеній, въ званіи обязанныхъ, государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ? Авторъ видитъ причину спасенія нашего отечества отъ язвы пауперизма не тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится: эта причина въ самомъ характерѣ нашего общественнаго устройства и хозяйственнаго порядка, въ самомъ способѣ владѣнія землей, одинаково дѣйствующемъ посреди всѣхъ безъ изыятія званій сельскихъ жителей. въ нанемъ народномъ бытѣ, ограждающемъ и сельскаго и городского жителя, какого бы они ни были состоянія, отъ безнадежной нищеты и бездомства, внаконецъ (и это главное) въ изліяніи земли противъ потребностей народонаселенія. При всей нашей готовности вѣрить въ самое искреннее попеченіе нашихъ помѣщиковъ о благосостояніи вѣрныхъ имъ крестьянъ, мы не думаемъ, чтобы, при другихъ условіяхъ, они были въ еялахъ его обезпечить. Не лишнимъ также считаемъ мы, если не припомнимъ автору, то замѣтить здѣсь, что сельское населеніе въ Западной Европѣ далеко не принимало того участія въ печальныхъ экономическихъ и политическихъ событіяхъ Западной Европы, какъ городское; напротивъ того, оно было всегда лучшимъ представителемъ охравительныхъ элементовъ во всѣхъ государствахъ и только изрѣдка и, такъ сказать, вслѣдствіе всеобщей заразы было затронуто пауперизмомъ и духомъ возмущенія, гнѣздившимся преимущественно въ городскомъ рабочемъ классѣ».

Г. Бланкъ, пускаясь въ историческія фантазіи, воображаетъ, будто бы крѣпостное право всегда существовало въ русской землѣ; по своему незнанію, онъ смѣшиваетъ немногочисленныхъ холоповъ (дворовыхъ служителей), существовавшихъ въ старину, съ поселянами, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго и прикрѣплены къ землѣ только уже въ концѣ XVI вѣка, всего ка-

кихъ нибудь двѣти-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Г. Безобразовъ выписками изъ статей г. Чичерина «О несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи» снова обнаруживаетъ грубость ошибки г. Бланка, очевидную, впрочемъ, для всякаго, хотя въ увѣдномъ училищѣ учившагося русской исторіи по книжкѣ г. Устрялова. «Замѣтка» оканчивается слѣдующимъ образомъ:

«До снѣхъ поръ разсужденія автора статьи *Русскій помѣщичій крестьянинъ* о разныхъ выраженіяхъ изъ древняго русскаго права и быта, яли, лучше, игра этими выраженіями, были только игрою и могли вызвать только улыбку сожалѣнія со стороны читателя о понапрасну истраченныхъ досугахъ между сельскими занятіями; но какъ злоупотребленіе вѣною игрою можетъ повести иной разъ къ весьма печальнымъ результатамъ, такъ и авторъ приходитъ послѣ своего *историческаго очерка* къ заключенію, которое, мы, по крайней мѣрѣ, отказываемся называть шуткою, ибо убѣждены, что такое заключеніе въ рукахъ людей опытныхъ можетъ сдѣлаться далеко не шуткою. Вотъ оно, приводимъ его собственными словами автора:

«Итакъ, вотъ высокая идея связи власти съ повинненіемъ, основанной на взаимныхъ выгодахъ, на заботливости о благосостояніи подчиненнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ объ исполненіи имъ своего долга; твердыня, въ которой создано помѣщичье и крѣпостное состояніе въ Россіи, существующее тысячелѣтіе; человѣколюбивѣйшая политика, обезнечивающая продовольствіе народа на самой власти, имъ управляющей, на самыхъ капталахъ, заключающихся въ землѣ, ими же обрабатываемой; патриархальный семейный союзъ, безмысленно осуждаемый только эгоистами, желающими избавиться отъ священныхъ обязательствъ, которыя они имѣютъ относительно рабочаго класса, яли людьми, не имѣющими поземельной собственности иди пренебрегающими ею, яли, наконецъ, слѣпыми подражателями и перевозносителями нѣкоторыхъ западныхъ идей, заслужившихъ, подъ блескомъ ложной филантропіи, историческій патентъ разрушенія, неустройцы, варварства, грабежей и разврата. Укажите хотя на одно учрежденіе въ мірѣ, съ котораго были бы сколкою оригинальныя учрежденія Россіи о кабалныхъ и потомъ крѣпостныхъ крестьянахъ, пронстенія изъ ея народной опытности и самобытности, остгественныя по ея мѣстоположенію и значенію, какъ государства преимущественно земледѣльческаго, какъ житницы Европы,—неизмѣнно съ усовершенствованіями пережившія и удѣльную систему, и вѣче, и владычество иноплеченныхъ татаръ, и бѣдственныя времена междударствія, и всѣ перемѣны, которымъ подверглось древнее русское законодательство вообще».

«Послѣ вышесдѣланныхъ нами указаній на порядокъ прикрѣпленія помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ в выписокъ изъ наслѣдованій объ образованіи врѣпостнаго состоянія въ Россіи,—какъ эти указанія и выписки ни кратки, мы можемъ сказать уже автору: нѣтъ, крѣпостное состояніе, окончательно утвержденное законодательствомъ на рантѣ начала XVIII столѣтія, не *твердыня* могущества Россіи, существующая тысячелѣтіе. нѣтъ, не оно дало силы русскому народу выдержать и удѣльную систему, и иго татаръ, и многія другія порабоженія; это не учрежденіе, коренящееся въ древнемъ русскомъ патриархальномъ союзѣ.—нѣтъ! это государственная мѣра, необходимо названная потребностями государственнаго благоустройства въ XVII вѣкѣ, точно такъ же, какъ было сообразною съ потребностями времени государственною мѣрою и прикрѣпленіе въ Средневѣковой Россіи другихъ сословій, бояръ и служилыхъ людей изъ вольныхъ слугъ, и какъ было государственною же мѣрою, сообразною съ потребностями другаго времени, надѣленіе дворянъ, при Екатеринѣ Великой, разными правами и преимуществами и дарованіе городскому сословию жалованной грамоты.

«Въ остальной части своей статьи г. Бланкъ всѣми силами перевозноситъ нынѣ существующій у насъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ хозяйства и отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ. Многое бы хотѣли мы сказать, но воздерживаемся до другаго раза. Говоря о русскомъ крестьянинѣ, авторъ не находитъ другихъ словъ, для изображенія естественныхъ его наклонностей, какъ: лѣность, пьянство, развратъ,

воровство, бродяжничество, буйство, непокорность, своеволие и т. д.,—не можем умолчать о тонъ тяжвоиъ чувствѣ, которое оставила въ васъ эта характеристика. Какъ? Неужели вы не могли отыскать на вашей палитрѣ, столь щедрой для описанія печальнаго положенія западнаго пролетарія, другихъ, болѣе успокоительныхъ для глазъ, красокъ, когда стали говорить о русскомъ крестьянинѣ? Но этотъ народъ, вы сами же намъ сказали, вынесъ на себѣ удѣльную систему, иго татаръ, бѣдствія междоусобія, в вынесъ на своихъ плечахъ; онъ вынесъ на нихъ и много другихъ тяжелыхъ для насъ испытаній; онъ же етоялъ на бастионахъ Севастополя; онъ же и теперь съ безпредѣльною покорностію передъ своею судьбою, терпѣливо возлагаю свою участь на милость Бога и Царя, и твердо во всеиъ на нее уповая, непоколебимо идетъ тою же своею сѣрою полоской и съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ во дни славы, какъ и во дни бѣдствій Россіи, тащитъ по родимой землѣ свою неуклюжую соху. Неужели нельзя было представить болѣе утѣшительную картину жизни русскаго крестьянина и, вспоминая все то, чѣмъ онъ обязанъ помѣщику, можно было бы не вспомнить и всего того, чѣмъ мы ему обязаны? Но оплакивать судьбу людей, отстоящихъ отъ насъ такъ далеко, какъ западный пролетарій, можетъ быть, легче, этотъ плачь не влечетъ за собою никакихъ практическихъ послѣдствій.

«Наконецъ да позволено будетъ намъ одно послѣднее размышленіе. Не воспоминаніями о холопствѣ и кабалѣ древней Россіи и разрытіемъ могилъ, давно заросшихъ и новыми цѣвтами и новыми тервіями, можетъ улучшить помѣщикъ быть вѣрѣяныхъ его попеченіе крестьянъ и подвинуть собственное и ихъ благосостояніе. Нѣтъ! подобныя воспоминанія не только бесплодны, но могутъ быть даже вредны; ибо, смотря назадъ, мы не можемъ въ то же время смотрѣть впередъ».

Въ дополненіе къ статьѣ г. Костомарова о древнемъ русскомъ стихотвореніи «Горе-Злочастіе» помѣщенъ здѣсь замѣтку о томъ же предметѣ, написанную однимъ изъ нашихъ ученыхъ. Стихотвореніе, открытое г. Пыпинымъ, имѣетъ особенную важность для исторіи нашей литературы именно потому, что представляется единственнымъ образцомъ эпическаго разсказа изъ частнаго быта. Г. Буслаевъ, въ своей статьѣ о «Горѣ-Злочастіи», интересной потому, что въ ней помѣщены многіе отрывки изъ рукописей, не признаетъ этого качества за стихотвореніемъ, которое было напечатано въ нашемъ журналѣ. Вопросъ важенъ для литературы, и во взглядѣ на него мы вполне согласны съ мнѣніями г. Костомарова и автора слѣдующей замѣтки.

«Въ 13—14 нумерахъ «Русскаго Вѣстника» помѣщена была обширная статья г. Буслаева по поводу древняго русскаго стихотворенія о «Горѣ-Злочастіи», изданнаго въ мартовской книжкѣ «Современника» нынѣшняго года. Не ограничиваясь ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого памятника, авторъ счелъ нужнымъ обставить его другими фактами древней нашей письменности, гдѣ бы выражались явленія стариннаго быта, нашедши себѣ мѣсто и въ повѣсти «Горѣ»: такъ какъ первымъ началомъ несчастій добраго молодца, героя нашей повѣсти, была его разгульная жизнь, которая отчасти и обличается въ стихотвореніи, то г. Буслаевъ свелъ нѣкоторыя свидѣтельства старины о распространеніи этого порока въ русской жизни того времени, или по духовнымъ поученіямъ, русскимъ и переводнымъ, или же по свѣтскимъ сочиненіямъ и повѣстямъ, описывающимъ происхожденіе и вредъ хмѣльнаго питія. Статьи въ родѣ повѣсти «о художныхъ пьяницахъ» значительно распространены въ сборникахъ XVII—XVIII столѣтій и, конечно, доставляли запасъ поучительнаго чтенія, верѣдко имѣвшій приложеніе къ жизни. Иныя изъ этихъ повѣстей

принадлежали, безъ сомнѣнiя, русскимъ сочинителямъ. По близости своихъ сюжетовъ къ житейскимъ случаямъ, онѣ съ любопытствомъ перечитывались и наконецъ въ самой вѣнѣности получили отпечатокъ народнаго склада. Впрочемъ, наше стихотворенiе только одною стороною, и то далеко не главною, сходится съ этими на половину книжными произведенiями. Существенная мысль его прямо указана въ заглавiи стихотворенiя: это—повѣсть о «Горѣ-Злочастiи», которое, въ самомъ дѣлѣ, является въ ней, конечно, столь же рѣзко очерченнымъ, какъ и личность добраго молодца. Завязка и весь ходъ стихотворенiя ясно ведутъ къ тому, чтобы вывести на сцену это загадочное существо со всѣми его особенностями и атрибутами. Оно занимаетъ въ стихотворенiи главную роль: какъ мало участвовала въ его изображенiи фантазiя отдѣльнаго автора и какъ, слѣдовательно, необходимы были черты, съ какими является здѣсь «Горѣ-Злочастiе», можно судить по сравненiю съ народными пѣснями, до сихъ поръ сохранившимися съ большою свѣжестью представленiе объ этомъ лицѣ. Такое единство изображенiя его въ памятникахъ народной словесности, раздѣленныхъ и пространствомъ и временемъ, само собою указываетъ, что образъ «Горѣ-Злочастiи» былъ сильно напечатлѣнъ въ народныхъ понятiяхъ: онъ постоянно рисуется однѣми эпическими чертами и, безъ сомнѣнiя, сохраняетъ въ себѣ отголосокъ древняго мiенческаго смысла. Г. Буслаевъ не признаетъ, впрочемъ, въ «Горѣ-Злочастiи» мiенческаго значенiя, считая его такимъ же поэтическимъ олицетворенiемъ, какимъ является «злѣй-тоска» въ нашихъ пѣсняхъ, или «правда и кривда» въ стихѣ о «Голубиной Книгѣ». Въ статьѣ г. Костомарова, въ нынѣшней книжкѣ «Современника», читатели найдутъ защиту противоположнаго мнѣнiя, которое и намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ. Поэтическое олицетворенiе, правда, имѣетъ свою долю участiя въ народныхъ произведенiяхъ; но его не слѣдуетъ смѣнивать съ такимъ поэтическимъ олицетворенiемъ, которое осталось какъ слѣдъ стариннаго мiенческаго пониманiя. Олицетворенiя, которыми преисполнено Слово о Полку Игоревѣ, очевидно имѣютъ свое основанiе глубже простаго поэтическаго созерцанiя, и именно въ мiенческихъ вѣрованiяхъ народа. Современная народная поэзiя нерѣдко сохраняетъ тѣ же образы и картины, съ тою только разницею, что для нынѣшнихъ поколѣнiй давно уже исчезла возможность принимать эти образы въ древнемъ ихъ значенiи; но если теперь они стали чисто формальной принадлежностью пѣсни или сказки, это не отнимаетъ у нихъ прежняго смысла, дававшего имъ мѣсто въ ряду космогоническихъ воззрѣнiй народнаго эпоса. Есть средство опредѣлять достоинство поэтическаго олицетворенiя и по вѣнѣному развитiю образа: можно сомнѣваться въ его мнѣологическомъ значенiи, когда онъ является частной и мелкой подробностью въ цѣломъ произведенiи, когда олицетворенiе играетъ роль болѣе или менѣе постороннюю для главнаго сюжета. «Горѣ-Злочастiе», напротивъ, выступаетъ вездѣ, какъ строго опредѣленная личность, понятая вполне антропоморфически: олицетворенiе, доведенное до такихъ обширныхъ размѣровъ, было бы возможно развѣ только у сочинителя, очень знакомаго съ приѣмами школьной вѣнѣтики,— въ нашемъ же авторѣ, конечно, никто не станетъ подозрѣвать охоты къ аллегорiямъ, иносказанiямъ и тому подобнымъ риторическимъ тонкостямъ. Наконецъ, самая эпоха нашего стихотворенiя, еще сильно привязанная къ старин-

нымъ повѣрьянъ, увѣлѣвшимъ отъ языческаго быта,—эта эпоха наводитъ на мысль, что личность «Горь-Злочастія», миеологическая въ своемъ древнемъ основаніи, и тогда могла быть понимаема съ подобной точки зрѣнiя: иначе, она еще могла занимать мѣсто въ народной демонологіи, изъ которой, кажется, уже исчезла въ наше время.

Г. Буслаевъ чувствовалъ необходимость указать миеическую сторону въ содержаніи нашей повѣсти и, сближая ее съ западными и русскими преданіями, опирался' единственно на первыхъ строкахъ повѣсти, составляющихъ родъ введенія къ дальнѣйшему разсказу. Но сравненіе нашего преданія съ западной «Пляской Смерти» и другими представленіями этого рода, слишкомъ отдаленно, если не натянуто. Какъ ни будемъ принимать начало нашего стихотворенiя, говорящее объ Адамѣ и Евѣ,—позднѣйшей ли прибавкой, или дѣйствительною частью стихотворенiя, — это начало имѣетъ съ главнымъ разсказомъ только отвлеченную связь: содержаніе ихъ различно и въ сущности независимо одно отъ другаго, и сближемъ нашей повѣсти съ произведеніями въ родѣ поэмы «Danse aux Aveugles», Петра Мишо, французскаго писателя XV столѣтiя, г. Буслаевъ опять можетъ скорѣе дать превратное понятіе о мѣстѣ, какое повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» должна занимать въ средѣ нашего народнаго эпоса. Далѣе, называя нашу повѣсть *старческой пѣсней*, какъ это сдѣлалъ г. Срезневскій, напечатавшій стихотвореніе въ академическихъ «Извѣстіяхъ», и за нимъ г. Буслаевъ,—мы едва ли вѣрно обозначимъ ее характеръ. Старческая пѣсня, или, какъ чаще говорятъ, духовный стихъ не былъ первоначальнымъ родомъ нашего народнаго эпоса, какъ былина или сказка; какъ явленіе христіанское, онъ образовался въ позднѣйшую пору, когда новое направленіе народныхъ понятій требовало и новаго поэтическаго выраженія. Авторъ статьи о «Горѣ-Злочастіи» опредѣляетъ, между прочимъ, значеніе духовнаго стиха, считая его и сказку двумя позднѣйшими формами, въ какiшъ развилась наша духовная поэзія. «Послѣ сказки, другая художественная форма—говоритъ онъ—въ которой наша эпическая поэзія получила дальнѣйшее развитіе, есть духовный стихъ или старческая пѣсня. Въ немъ тотъ же спокойный и ровный разсказъ, то же невозмутимое теченіе рѣчи, обильное эпическими выраженіями. то же отсутствіе личныхъ интересовъ дѣвца. Несмотря на то, нельзя не замѣтить, что народная поэзія наша сдѣлала значительный шагъ впередъ въ этомъ родѣ стихотвореній. Первоначальныя эпическія пѣсни, которыя у древнерусскихъ грамотниковъ слыли за мірскія или бѣсовскія, глубоко коренились въ языческой старинѣ нашихъ предковъ, такъ что и самъ Владиміръ, по народному эпитету, Красное Солнышко, окруженный своими богатырями, является въ нихъ только какъ герой мірской, съ своими богатыми пирами. Еще болѣе языческой старины должны были видѣть благочестивые грамотники въ пѣсняхъ хороводныхъ, свадебныхъ и другихъ обрядныхъ. Что же касается до духовнаго стиха, то въ немъ наши предки нашли примиреніе просвѣщенной христіанствомъ мысли съ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Но такъ какъ между христіанскою идеею и поэтическою ея обработкою въ стихѣ не было никакого посредствующаго звена, то есть пѣвцы излагали свои христіанскія убѣжденія, не руководствуясь никакими литературными поэтическими образцами, то духовный стихъ вышелъ такъ же евъжъ и наивевъ, какъ и прочія народ-

ныя пѣсни... Поэзія мало было мѣста въ литературѣ строго религіозной, направленной къ практическимъ цѣлямъ—распространенія элементарныхъ началъ просвѣщенія. Отсюда понятно, почему богатые матеріалы повѣствовательнаго и даже высоко-поэтическаго содержанія, собранные въ переводныхъ патерикахъ Скитскомъ и Снайскомъ, въ нашемъ патерикѣ Печерскомъ и въ богатѣйшихъ собраніяхъ житій святыхъ, не вошли въ содержаніе народныхъ стиховъ, оставаясь достояніемъ немногихъ грамотниковъ. Изданіе духовныхъ стиховъ г. Кирѣвскаго убѣдитъ всякаго, что этотъ родъ нашей безыскусственной поэзіи ограничился самымъ тѣснымъ кругомъ нѣкоторыхъ житій святыхъ, пѣснями о началѣ и концѣ міра, немногими нравоучительными и аскетическими стихотвореніями... Слѣдые старцы и калики переходіе, какъ въ старину называли нашихъ бродячихъ пѣвцовъ, не имѣли такого образованія, какое необходимо для изученія и возеозданія религіозныхъ повѣствовательныхъ матеріаловъ. Да и сама старинная публика, привыкшая къ повторительному слушанію однѣхъ и тѣхъ же эпическихъ пѣсней, не могла быть взыскательною къ однообразному содержанію духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, надобно полагать, что калики переходіе, люди бывалые, странствовавшіе по святынь мѣстамъ, хранили нѣкоторыя литературныя преданія. По крайней мѣрѣ, они были проводниками, посредствомъ которыхъ немногіи книжныя свѣдѣніи переходили въ безграмотную массу народа. И хотя они пользовались народнымъ пѣсеннымъ складомъ, однако, книжная начитанность не могла не положить замѣтныхъ слѣдовъ на ихъ произведенія, что особенно выразилось въ значительномъ господствѣ церковно-славянскаго элемента надъ разговорнымъ русскимъ въ языкѣ духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, проходя чрезъ поколѣнія безграмотныхъ старцевъ, они болѣе и болѣе высвобождались изъ-подъ этого элемента и принимали болѣе развязное теченіе языка разговорнаго. Этимъ объясняется разнообразіе и неровность «слога въ духовныхъ стихахъ». Такимъ образомъ, духовный стихъ держится постоянно въ одной опредѣленной сферѣ и въ ней ограничился только немногими житіями святыхъ и нѣкоторыми нравственными положеніями. Только немногіе изъ духовныхъ стиховъ, каковы, напримѣръ, стихъ о «Голубиной книгѣ», о «Георгіи Храбромъ», возвышаются до многозначительнаго эпическаго изложенія. Причина этого лежитъ, повидимому, въ обширномъ значеніи самаго содержанія, входившаго въ кругъ чисто народныхъ поэтическихъ представленій о судьбѣ природы и человѣка, или же доставлявшаго возможность эпическаго развитія, какъ въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и другихъ. Но вездѣ одинаково въ основѣ этихъ произведеній лежатъ или христіанскія воззрѣнія, или христіанскія личности, такъ что, и выходя иногда изъ обыкновенныхъ границъ своихъ, смѣшиваясь въ частностяхъ съ былинной, духовный стихъ вообще не можетъ существовать внѣ этихъ коренныхъ основаній. Потому сюжетъ «Горя-Злочастія» едва ли можетъ быть отнесенъ къ числу предметовъ, дающихъ содержаніе стиху: чисто поэтическое представленіе не подчинено въ немъ спеціально духовному до такой степени, какъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ этой религіозной поэзіи. Но начало и конецъ стихотворенія, спросить насъ: что касается до начальныхъ стиховъ, то, во-первыхъ, еще нельзя доказать, что они нераздѣльно соединяются съ самымъ рассказомъ; во-вторыхъ, при совершенно отличномъ содержаніи, они служатъ только къ тому, чтобы провести

известный поучительный тонъ. Въ сущности только послѣдшіе стихи о монастырской жизни даютъ стихотворенію колоритъ, свойственный старческимъ пѣснямъ; если же обратить вниманіе на главныя черты содержанія и выраженія, преобладающія въ цѣломъ стихотвореніи, то нельзя не замѣтить значительной разницы между нашей повѣстью и духовными стихами. Вѣрные своему происхожденію, эти послѣдніе отличаются обыкновенно аскетическимъ, безстрастнымъ къ житейскимъ интересамъ, настроеніемъ, которое, обнаруживаясь часто и въ языкѣ стремлешемъ къ формамъ церковнаго нарѣчія, составляетъ одну изъ коренныхъ принадлежностей стиха. Иные стихи до того проникнуты этимъ тономъ и архаическимъ стилемъ, что въ нихъ трудно бываетъ признать народное произведеніе; другіе и вовсе не имѣютъ въ себѣ народнаго начала, какъ прямое сочиненіе полуграмотныхъ старцевъ: даже приобретаая популярность, подобные стихи сохраняютъ иногда свою первоначальную грубую форму, такъ какъ интересъ ихъ заключается только въ благочестивомъ содержаніи. Примѣры можно видѣть и въ изданіи Кирѣевского и въ нѣкоторыхъ выпискахъ г. Буслаева. Въ «Горѣ-Злочастіи», напротивъ, какъ, съ одной стороны, нельзя найти ничего, чтобы могло оскорбить слухъ, привыкшій къ вѣрному теченію народно-поэтическаго слова, такъ, съ другой стороны, нѣтъ и односторонняго штизма, присутствіе котораго едва ли бываетъ выгодно въ художественномъ отношеніи. Взглядъ неизвѣстнаго автора на несчастнаго похождения добраго молодца не страдаетъ никакими пристрастіями: рисуя отношенія своего героя къ преслѣдующему его «Горю-Злочастію», онъ какъ будто остается хладнокровнымъ свидѣтелемъ; въ приемахъ его нельзя уловить ни желанія поучать, ни стремленія къ другимъ напередъ задуманнымъ цѣлямъ. Словомъ, вся мапера представленія не подходитъ къ обыкновенному міросозерцанію, проявляющемуся въ духовныхъ стихахъ. Своимъ складомъ и картинами повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» до такой степени близка къ произведеніямъ чистаго эпоса, что мы охотнѣе относимъ ее къ отдѣлу мірской старинной поэзіи: она ближе къ былинѣ, чѣмъ къ старческой пѣснѣ; авторъ ея скорѣе народный пѣвецъ, чѣмъ слѣпецъ-нищій. Къ тому же результату привелъ бы, безъ сомнѣнія, и внимательный разборъ стихотворенія со стороны языка и слога.

«По содержанію, наша повѣсть не можетъ быть вполнѣ причислена ни къ духовному эпосу, ни къ эпосу былинны. Въ ней вовсе нѣтъ историческаго элемента, принадлежащаго послѣднему; нѣтъ и духовнаго сюжета, кашіе обыкновенно развиваются въ первомъ: это—свѣтская *повѣсть*, за которой всего приличнѣе оставить названіе, данное ей въ старинной рукописи. Было уже замѣчено, что нѣкоторыя мѣста этой повѣсти почти буквально повторяются въ пѣсняхъ,—одна пѣсня «Безпечальна меня мати породила» вставлена цѣликомъ въ повѣсть, и это сближеніе снова говоритъ въ пользу нашей мысли. Пѣсни, съ которыми сходится повѣсть о «Горѣ», — пѣсни чисто свѣтскія, по идѣе совершенно отличныя отъ ролігійозныхъ старческихъ пѣсней. Полная параллель нашего стихотворенія съ его источниками, отрывками или вариантами въ пѣсняхъ, была бы очень любопытна».